

Ночная мгла обволакивала силуэт авто, словно стараясь притормозить чужеродный организм, который упрямо стремился разогнать тишину сумерек, установившийся порядок, который всех устраивал. На месте водителя сидел человек в расстегнутом плаще, из-под которого навязчиво вылезала гавайская рубашка.

Ослепляющий свет фар не оставлял ни единого шанса сгусткам тьмы, а тишина нарушалась рокотом мотора и шумом колес, из-под которых вылетали обрывки газет и листья деревьев, подхваченные разгулявшимся городским ветром.

Автомобиль завернул в темный переулок, затормозил и выключил фары. Снаружи сразу хлынул поток темноты, прильнув вплотную к стеклам и дверям. Водитель потянулся к бардачку, открыл его и вытащил потрепанный конверт. Под блеклым светом в салоне авто показался исписанный лист, на котором сбивчивым почерком было написано:

«Дорогие ребята!

Я не могу поверить, как быстро течет жизнь на воле. Прошло уже два месяца с тех пор как я получил дисквалификацию и меня убрали со всех процедур. Я начинаю забывать пароль от своих госуслуг. У меня истекла ЭЦП. Но все еще не могу привыкнуть к тому, что теперь не нужно сохранять каждый чек, чтобы потом возместить его с процедуры.

Казалось бы, мне всего то тридцать пять лет, еще можно начинать новую жизнь. Пока я взял паузу в карьере и работаю в местной "шестерочке".

Для многих это тяжелая работа. Но, наверное, они никогда не были арбитражными управляющими...»

Всепоглощающую ночную идиллию нарушил звук приближающейся автомобильной сирены — читатель вздрогнул, но замешательство продлилось не дольше мгновения. Улицу, на которой он был не так давно, осветили проблесковые маячки, и карета скорой помощи промчалась дальше. Мужчина продолжил читать строки письма.

«Слышал, что налоговой недавно удалось добиться пересмотра решения об очередности уплаты налога. Получается, что сейчас налоги - это гарантия сохранности имущества. За фискалов можно порадоваться. А как обстоят дела с индексацией фиксированной суммы вознаграждения управляющих? Сколько можно работать за эфемерные проценты в конце процедуры?»

Надеюсь, что вы уже получаете достойную оплату за свой труд. Может, какую-нибудь плату?»

У меня проблема - я не могу заснуть по ночам. Мне снятся кошмары. Как будто я попадаю на убытки, дисквал. Просыпаюсь в испуге и не могу вспомнить свой номер в реестре, свое СРО и страховку. Потом понимаю, что СРО ликвидировано, ОВС вне закона.

Может быть, мне стоит пройти собеседование, устроиться в банкротную практику какой-то фирмы, ... Но для чего? Чтобы снова заглянуть в затягивающую бездну?»

Наверное, я уже слишком стар для такой ерунды. Мне не нравится оставаться в процессе банкротства без завершения. Я сдаюсь морально. Дисквал уничтожил меня.

Не поминайте меня лихом!»

Поначалу ровный, почти каллиграфический почерк постепенно превращался в размашистые и аляповатые закорючки.

— Отправлю письмо, вернусь домой и тихо удавлюсь, — тихо пробормотал водитель под нос, положил письмо обратно в конверт и положил его рядом с собой на пассажирское сидение.

Заглушив мотор и открыв дверь, водитель нырнул в окружающий сумрак ночи. Взгляд его был направлен на мерцающую в кромешной мгле вывеску почты. Это было отделение на улице Мясницкой, столь знакомое каждому московскому юристу, которому хоть раз нужно было отправить срочное письмо после полуночи.

Водитель вздрогнул: в его кармане брюк завибрировал телефон. Зажав конверт с письмом подмышкой, он нажал на зеленую кнопку приема звонка.

— Алло! Кирилл? Мы еще в офисе, случайно зашли в КАД — посмотреть, что там с твоим делом. Представляешь, апель отменил решение первого этажа и восстановил твой статус!

Волна радости внезапно окатила оклеветанного арбитражного управляющего, стоявшего перед почтовым отделением с письмом в СРО — он уже не слушал радостную речь своего коллеги. Все мысли были только об одном: «Спасен!».